

ПЕРЕМЕНЧИВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ВСЕОБЩИЕ ВЫБОРЫ В ЧИЛИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Арсений ВАРШАВСКИЙ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье раскрываются особенности партийной системы Чили, которая на современном этапе своего политического развития способствовала появлению двух широких партийных коалиций, составляющих устойчивую основу поддержания демократических институтов и воспроизводства высшей политической элиты страны – левоориентированной *“Apruebo Dignidad”* («Одобряю достоинство») и правоцентристской *“Chile Vamos”* («Чили, вперед!»). Выделяются ключевые институциональные, исторические и культурные факторы, оказавшие влияние на становление современного политического дизайна Чилийской Республики, благодаря которому обеспечивается традиционно сложившаяся жизнеспособность партий. Проводится анализ формально-правовых особенностей президентской системы и электорального процесса в Чили. В системе политической власти президент выступает в роли центральной фигуры, наделенной широкими полномочиями в принятии ряда ключевых решений. В то же время конституционные рамки побуждают главу исполнительной власти взаимодействовать с парламентскими коалициями для преодоления проблемы «двойного меньшинства», при которой президент не обладает поддержкой большинства в Национальном Конгрессе. Партийная коалиционность также обуславливается влиянием избирательной системы, в рамках которой даже после реформы 2015 г. малые партии продолжают испытывать сложности в самостоятельной борьбе за места в парламенте и вынуждены взаимодействовать с более крупными коалициями. Это положение дел отражается также в выборах президента. Подтверждение тому – победа Габриэля Борича в 2021 г., который, несмотря на свой прогрессивный имидж, опирался на поддержку различных левых и левоцентристских сил. Долгосрочная устойчивость чилийской партийной системы объясняется в том числе глубоко укоренившимися традициями политического участия и демократическими институтами, которые позволяют интегрировать запросы населения в политический процесс. Однако снижение поддержки партий среди населения и рост протестной активности указывают на существующие вызовы. Делается вывод о том, что, несмотря на кризис доверия к партийным структурам, коалиционная система продолжает обеспечивать стабильность политической системы. Для ее укрепления партиям необходимо сосредоточиться на решении актуальных социально-экономических проблем, что станет ключевым фактором повышения гражданского доверия и устойчивости демократических институтов Чили.

Арсений Юрьевич Варшавский – соискатель Кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

ORCID: 0009-0009-6672-2448. E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 20.04.2024

Принята к публикации: 10.02.2025

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ключевые слова: президентство, политические партии, партийная система, партийные коалиции, фрагментированность партий, Чили

Одной из обсуждаемых тем в научно-политическом дискурсе последнего десятилетия стал вопрос о «кризисе представительной демократии». Среди наиболее распространенных причин такого явления называют усугубление социально-экономического неравенства, растущую в этой связи маргинализацию общества, миграционный кризис в разных регионах мира, а также укрепляющееся недоверие широких масс к устоявшимся политическим структурам, прежде всего партиям. Во многом подобная динамика стала причиной появления на политическом ландшафте целого ряда стран политиков-аутсайдеров¹ и роста числа популистов², которые «играют» на протестных настроениях избирателей и в значительной степени подрывают авторитет «традиционных» партий (Blatter & Schulz, 2022).

В этом отношении среди президентских республик с устойчивой демократической традицией особняком стоит Чили. Будучи наглядным примером успешного демократического транзита в 1990 г. после семнадцатилетней правой диктатуры А. Пиночета (1973–1990), этому латиноамериканскому государству удалось закрепиться на самых верхних позициях рейтингов динамики социально-экономического развития и стабильности политической системы (Siavelis, 2016; Somma, 2022; De Gregorio, 2005). Вместе с тем несколько масштабных волн общественных протестов в начале XXI столетия продемонстрировали явные несовершенства существующей в нем модели государственного управления.

Среди ключевых факторов недовольства чилийских граждан выделяют социально-экономическое неравенство (согласно данным Всемирного Банка, коэффициент Джини по состоянию на 2020 г. равен 44,9)³; высокий рост цен⁴; а также действующую Конституцию, принятую еще при А. Пиночете в 1980 г., ряд положений которой существенно ограничивает демократические представительные институты (Siavelis, 2001). Все это наслаивается на стремительно растущее недоверие широких масс к политическим лидерам «старого толка», неспособным решить насущные социально-экономические проблемы представителей среднего класса (Luna, 2024).

¹ Под «аутсайдерами» в политическом дискурсе понимаются лица и группы лиц, которые ранее не принимали участие в политической деятельности и в выборах на государственном уровне.

² В статье используется определение популизма, предложенное исследователем К. Мюдде в рамках т.н. идеационного подхода: «идеология, в которой общество видится однозначно разделенным на две гомогенные и антагонистические группы – истинный народ и коррумпированную элиту – и в которой утверждается, что политика должна быть выражением общей народной воли (*volonté générale*)». См.: Mudde, 2004.

³ *World Bank Open Data* (n.d.) Gini index – Chile. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=CL> (accessed 10 February 2025).

⁴ *Banco Central de Chile* (2023) Informe de Política Monetaria. Available at: <https://www.bcentral.cl/documentos/33528/4103593/IPoM-Marzo-2023.pdf/d2885553-0766-2245-6ec4-52031cb60769?t=1695913811070> (accessed 10 February 2025).

Несмотря на волну протестных настроений, вызванных усугублением социального неравенства на фоне проведения неолиберальной политики, и актуализировавшийся в этой связи призыв к обновлению управленческой элиты, реальная власть в Чили продолжает оставаться в руках политических сил, сложившихся в результате эволюции двух партийных коалиций пост-Пиночетовского периода – левоцентристской "*Concertación de Partidos por la Democracia*" («Коалиция партий за демократию»)⁵ и правоцентристского "*La Alianza*" («Альянс»)⁶, – благодаря которым сформировался институциональный дизайн современной Чилийской республики. Речь идет о коалициях левых и леворадикальных партий "*Apruebo Dignidad*" («Одобряю достоинство») и правоцентристских сил "*Chile Vamos*" («Чили, вперед!»). Подтверждением этой тенденции стали прошедшие в ноябре – декабре 2021 г. всеобщие выборы, по результатам которых победителем в президентской гонке стал Габриэль Борич (2022 – н.в.) – представитель прогрессистской партии "*Convergencia Social*" («Социальная конвергенция»), которая входит в коалицию "*Apruebo Dignidad*".

Говоря об эволюции системы партийных коалиций, сложившейся на современном этапе государственного развития Чили, стоит подчеркнуть, что в то время как структура позиций правых и правоцентристских коалиций "*La Alianza*" и "*Chile Vamos*" относительно политико-экономического и социального развития страны характеризуется идеологической преемственностью, объединение левых и леворадикальных партий "*Apruebo Dignidad*" по своим идейным взглядам в корне отличается от левоцентристской "*Concertación*".

Коалиция "*Apruebo Dignidad*" представляет собой воплощение идеологии «новых левых», выступающих с жесткой критикой принципов «модели компромиссов»⁷, основанной на проведении неолиберального экономического курса и социальных реформ при сохранении ряда формальных и неформальных институциональных рамок, сложившихся в период диктатуры Пиночета (Дьякова, 2022). Странников движения отличает резкая риторика, которая обладает поляризующим эффектом. Они выступают за ценности демократии, политического либерализма и максимально широкое гражданское участие в жизни государства (Дьякова, 2023). Среди основных идеологических постулатов «новых левых» выделяют широкую правозащитную повестку с акцентом

⁵ Созданная в 1988 г. «Коалиция партий за демократию» (сокращенно – *Concertación*) в качестве оппозиционной силы режиму А. Пиночета включала в себя 14 партий, крупнейшими из которых были "*Partido Demócrata Cristiano, PDC*" (Христианско-демократическая партия, ХДП), "*Partido Socialista, PS*" (Социалистическая партия, СПЧ) и "*Partido por la Democracia, PPD*" (Партия за демократию, ПД). После включения в 2013 г. "*Partido Comunista, PC*" (Коммунистической партии, КПЧ) была переименована в "*Nueva Mayoría*" («Новое большинство») и просуществовала до начала 2018 г.

⁶ Объединение сторонников продолжения политического курса А. Пиночета, состоявшее из *Unión Demócrata Independiente, UD* (Независимого демократического союза) и партии "*Renovación Nacional, RN*" («Национальное обновление»).

⁷ Эта модель лежала в основе политического курса чилийского истеблишмента, главным образом представителей "*Concertación*" и "*Nueva Mayoría*".

на предоставлении гражданских прав различным меньшинствам (гендерным, этническим, социальным) и отвержение политики неолиберализма, которая, по их мнению, является ключевой причиной социального неравенства в Чили. Подобные настроения были озвучены представителями чилийского гражданского общества в ходе массовых протестов в октябре – ноябре 2019 г., получивших название «Революция 30 песо». В значительной степени эти события, продемонстрировавшие запрос чилийцев на обновление политической программы представителей левого движения (Ивановский, 2021), предопределили победу коалиции *“Apruebo Dignidad”* и избрание Г. Борича в качестве главы государства⁸.

Значимую роль в демократической системе Чили играет фигура президента. Наделенный полномочием оспорить любой законодательный акт и единоличным правом формировать кабинет, при отсутствии большинства в парламенте глава государства может использовать т.н. стимулы (*incentives*) в отношении представителей остальных фракций, предоставляя им министерские посты в обмен на поддержку своих программных инициатив. По этой причине эффективное функционирование политической системы во многом зависит от взаимодействия президента и основных партийных групп.

Для того чтобы разобраться в причинах устойчивости двух главных политических сил Чили, целесообразно рассмотреть ключевые особенности становления партийных коалиций, а также исторические и культурные факторы, предопределившие их лидирующие позиции на электоральном ландшафте и способность продвигать своих кандидатов на высший государственный пост.

Основу исследования составляет качественный метод *case-study*, который помогает подробно рассмотреть условия и причины становления и развития коалиционного строительства в современном Чили. Кроме того, использование данного метода с элементами «насыщенного описания» (*thick description*) позволяет глубоко проанализировать внутривнутриполитические, исторические и культурные особенности, влияющие на устойчивость партийной системы государства.

Статья структурирована следующим образом: в первом разделе анализируется специфика президентской системы и электорального процесса в Чили; далее описывается сложившаяся традиция партийных коалиций и рассматриваются историко-культурные факторы их устойчивости; в заключении делается вывод о том, как именно группа изучаемых факторов влияет на жизнеспособность партийных коалиций и почему стала возможной победа Г. Борича на выборах в ноябре 2021 г.

⁸ Г. Борич на выборах 2021 г. представлял прогрессистскую партию *“Convergencia Social”* («Социальная конвергенция»).

Институциональные особенности президентской системы и электорального процесса в Чили

Политическая система Чили представляет собой одну из наиболее сильных президентских демократий в Латинской Америке. С. Мэйнуоринг и М. Шугарт характеризуют чилийского президента как наиболее сильного среди всех президентских систем региона, учитывая его возможности использовать право вето по широкому кругу оснований и осуществлять политику посредством указов (Mainwaring & Shugart, 1997). Некоторые конституционные полномочия главы государства, в частности, исключительная законодательная инициатива бюджета, позволяют говорить о президенте как о важнейшем акторе, определяющем всю полноту повестки в нормативно-правовой сфере и принятии политико-управленческих решений. В чилийской Конституции 1980 г. (ст. 32)⁹ закреплены следующие компетенции:

- Участие в выработке законодательных актов;
- Издание президентских указов, имеющих силу закона;
- Созыв референдума по вопросам, обозначенным в Конституции;
- Введение чрезвычайного положения;
- Назначение и смещение министров и полномочных представителей президента в регионах, а также генерального контролера (*controlador general* – глава Налогового управления);
- Назначение судей, в т.ч. из состава Верховного суда, после одобрения кандидатуры Сенатом.

Кроме того, президент наделен исключительным правом вносить законопроекты, касающиеся бюджета, налогообложения, политико-административного устройства государства (ст. 65)¹⁰. Фактическая концентрация бюджетных полномочий в руках президента, в т.ч. через назначаемых им министра финансов и генерального контролера, делает Чили страной с одной из наиболее иерархически выстроенных систем с точки зрения формирования политики в этой сфере (Aninat, Landregan, Navia & Vial, 2006). Характерным является то, что, если законопроект бюджета не получает одобрения в обеих палатах Конгресса, в силу вступает проект в предложенной президентом редакции (ст. 67)¹¹.

Одна из наиболее примечательных особенностей полномочий главы государства состоит в возможности контролировать процесс принятия законов и управлять законодательной повесткой посредством т.н. постановлений

⁹ Несмотря на то, что в «пиночетовскую» Конституцию неоднократно вносились изменения, она до сих пор предоставляет беспрецедентно широкие полномочия главе государства. См.: *Cámara de Diputados y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹⁰ *Cámara de Diputados y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹¹ *Cámara de Diputados y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

о срочности (*declaratorias de urgencia*). Президент может придать любому рассматриваемому законопроекту одну из трех мер срочности – простая срочность, важная срочность и немедленное обсуждение. Если законопроекту присваивается один из статусов срочности, обсуждение других законопроектов приостанавливается (ст. 26)¹². При необходимости глава государства уполномочен созвать внеочередную сессию Национального Конгресса, на которой будут обсуждаться только вопросы, поставленные президентом (ст. 32)¹³.

Очевидно, что созыв внеочередной сессии парламента и приоритетность рассмотрения законопроектов по инициативе президента нарушают нормальную работу законодательной власти. По словам некоторых депутатов, в ряде случаев обсуждение уже одобренного какой-либо комиссией законопроекта может откладываться на несколько сессий по причине вынужденного обсуждения срочных проектов (Siavelis, 2001).

Вместе с тем президент не обладает полномочием распустить Национальный Конгресс, а наложенное им вето может быть преодолено двумя третями голосов Палаты депутатов (нижняя палата) и Сената (верхняя палата) в совокупности (ст. 68)¹⁴. Более того, несмотря на обязанность парламента рассматривать срочные законопроекты в первую очередь, законодатели могут «затормозить» рассмотрение подобных президентских инициатив без каких-либо юридических последствий (Siavelis, 2001). Вероятность такого сценария повышается в случае отсутствия у президента сильной поддержки среди оппозиционных парламентарских фракций и коалиционных групп¹⁵.

Причины возникновения конфликтных ситуаций в отношениях между главой исполнительной власти и парламентом кроются в описанной С. Мэйнуорингом и М. Шугартом диархии многопартийности и сильного президентства, что и проявляется в политической системе Чили (Mainwaring & Shugart, 1997). Важным следствием совмещения этих двух характеристик является возникновение проблемы «двойного меньшинства», при которой президент не имеет поддержки большинства ни среди своих избирателей, ни внутри представляемой им партии в одной или обеих палатах парламента. Эту особенность наглядно демонстрирует распределение мест в Конгрессе по итогам парламентарских выборов с 1989 г. по 2021 г. (Таблица 1).

¹² *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Ley Orgánica Constitucional del Congreso Nacional. Available at: <https://bcn.cl/2fkep> (accessed 10 February 2025).

¹³ *Cámara de Diputadas y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹⁴ *Cámara de Diputadas y Diputados* (n.d.) Constitución Política de la República. Available at: https://www.camara.cl/camara/doc/leyes_normas/constitucion.pdf (accessed 10 February 2025).

¹⁵ Для детального описания ограничений президентской власти в Чили, в т.ч. в части его взаимодействия с парламентом, см.: Martínez & Dockendorff, 2023: 62.

Таблица 1. Доля мест в Национальном Конгрессе,
полученных победившими партиями¹⁶

Table 1. Share of seats in the National Congress taken by the winning parties

Срок	Президент (коалиция / партия)	Места, полученные коалицией Президента, %		Места, полученные партией Президента, %	
		Депутаты	Сенаторы	Депутаты	Сенаторы
1989–1993	П. Айлвин ("Concertación" / "PDC")	51,49	54,63	25,99	32,18
1993–1997	Э. Фрей ("Concertación" / "PDC")	55,40	55,48	27,12	20,22
1997–2001		50,51	22,98	49,88	29,22
2001–2005	Р. Лагос ("Concertación" / "PPD")	47,90	51,32	12,73	12,66
2005–2009	М. Бачелет ("Concertación" / "PS")	51,76	55,73	10,05	12,07
2009–2013	С. Пиньера ("Coalición por el Cambio" ¹⁷ / "RN")	43,45	45,19	17,81	20,19
2013–2017	М. Бачелет ("Nueva Mayoría" / "PS")	47,71	50,63	11,12	16,16
2017–2021	С. Пиньера ("Chile Vamos" / Независимый)	38,71	37,70	0	0
2021–2025	Г. Борич ("Apruebo Dignidad" / "Convergencia Social")	20,97	19,59	4,54	1,28

Как следует из приведенных данных, чилийский парламент состоит из сильных коалиций, в которые входят слабые по отдельности партии. Характерным примером является ситуация с баллотировавшимся на второй президентский срок в качестве независимого кандидата С. Пиньерой, который опирался на коалицию правоцентристских и правых партий "*Chile Vamos*", не имея при этом прямой поддержки ни одной входящей в этот блок партии.

Низкий уровень партийной поддержки главы государства в парламенте при многопартийных президентских системах объясняется не только приведенной выше проблемой «двойного меньшинства». Некоторые авторы связывают сложившийся статус-кво с постепенным снижением партийной идентификации среди избирателей и одновременным укреплением партийной иерархии среди политических элит ведущих коалиций, которые служат необходимой платформой кандидатам на пост президента для вхождения в высшие политические круги страны (Siavelis, 2016; Luna & Altman, 2011).

¹⁶ Источник: данные Избирательной службы Чили. *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

¹⁷ "*Coalición por el Cambio*" (Коалиция за перемены) – официальное название объединения правых и правоцентристских партий "*La Alianza*" (Альянс) в 2009–2012 гг.

После восстановления демократического строя в Чили в местном и международном общественно-политическом дискурсе, а также в экспертной среде имели место дискуссии о характеристиках нового электорального дизайна в государстве (Siavelis, 2016). Избирательная система, получившая название биномиальной, была введена в 1989 г. еще при генерале А. Пиночете и совместила в себе черты мажоритарного и пропорционального представительства. Практически сразу после учреждения биномиальной системы предметом активных обсуждений стали ее бенефициары и наиболее проигравшие акторы. Среди основных аргументов противников системы фигурировало «одиозное наследие военной диктатуры», выражавшееся в попытке правых сил предотвратить получение большинства мест в законодательном органе левоцентристской коалицией *"Concertación"*. Сторонники биномиальной системы указывали на заложенную в ней тенденцию к формированию широких коалиций, что означало повышение степени управляемости (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021). В целом, несмотря на признаваемую роль биномиальной системы в укреплении чилийской демократии в поставторитарный период, в массовом сознании избирателей она никогда не воспринималась как неотъемлемый элемент сложившейся политической системы государства (Nohlen, 2006).

Биномиальная избирательная система в Чили строилась на пропорциональном представительстве и разделяла страну на 60 двухмандатных округов, в каждом из которых партия или коалиция формировали список из двух кандидатов. Для подсчета голосов применялся метод Д'Ондта¹⁸. В рамках этой системы для получения одного мандата каждая партия должна была набрать по меньшей мере треть голосов (33,3%). Для того чтобы оба места были отданы кандидатам из одного списка, этот список должен получить как минимум в два раза больше голосов (66,6%), чем следующий за ним. Если голосов оказывалось недостаточно, два места разделялись между партией, набравшей больше всего голосов, и следующей за ней, вне зависимости от количества набранных второй партией голосов. Иными словами, если списки двух сильнейших на выборах партий набирают 66% и 34% голосов соответственно, каждая из них получит место (50% от количества мест, соответствующих этому округу) (Siavelis, 2001). Как показывают исследования, этот механизм наиболее благоприятствовал кандидатам из правоцентристского *"La Alianza"* (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021). Что более примечательно, биномиальная избирательная система практически полностью отсекала возможность избрания для независимых кандидатов или членов партий, не принадлежащих ни к *"Concertación"*, ни к *"La Alianza"*: с 1989 до 2013 гг. более 97% всех избранных депутатов или сенаторов были членами одной из этих коалиций (Gamboa & Morales, 2016; Богуш, 2009).

¹⁸ Подробнее об этом методе см.: *European Parliament* (n.d.) Understanding the d'Hondt method: Allocation of parliamentary seats and leadership positions. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI\(2019\)637966_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637966/EPRS_BRI(2019)637966_EN.pdf) (accessed 10 February 2025).

В 2015 г. после многолетних споров и обсуждений как в общественных, так и в политических кругах, чилийский Конгресс одобрил проект избирательной реформы, предложенный правительством М. Бачелет. Основной акцент был сделан на повышении пропорциональности распределения мест в парламенте путем сокращения избирательных округов с 60 до 28 при увеличении числа мест в каждом из них (в Палате депутатов количество варьируется от трех до восьми и пересматривается каждые десять лет, в Сенате – от двух до пяти и не предполагает изменений). Одновременно количество депутатов увеличилось со 120 до 155, а сенаторов – с 38 до 50 (Gamboa & Morales, 2016).

Еще одно важное нововведение избирательной реформы – увеличение количества кандидатов в списках от каждого округа на одного человека (M+1, где M – магнитуа округа). Этот шаг получил особую поддержку со стороны малых партий, которые были уверены, что изменение положительно отразится на избирательных шансах их представителей и независимых выдвиженцев.

Ожидание бóльшей представленности независимых кандидатов после принятия реформы озвучивалось и в политологическом сообществе (Carey, 2006). Тем не менее в проведенном в 2021 г. исследовании на основе полиномиальной регрессии Э. Алеман и его коллеги показали, что принадлежность партий к широким коалициям продолжала оказывать весомое влияние на результаты выборов и конечное распределение мест в обеих палатах парламента. Основным вывод работы можно сформулировать следующим образом: реформа избирательной системы не устранила стимулы к формированию коалиций. Несмотря на значительное увеличение представленности малых партий, они по-прежнему не могут конкурировать за голоса избирателей в одиночку (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021).

Это заключение подтвердилось и на последних всеобщих выборах в Чили в 2021 г. Из 155 избранных депутатов Палаты представителей лишь один – независимый кандидат; остальные являются членами партий, входящих в восемь различных коалиций¹⁹. Аналогичная ситуация с результатами выборов в Сенат – 48 мест распределены между представителями четырех коалиций, и только два места занимают не аффилированные с ними политики²⁰.

Таким образом, электоральный дизайн современного Чили продолжает оставаться коалиционно-ориентированным. Увеличение магнитуды партийных списков вновь сформированных округов не смогло подорвать позиции крупнейших коалиций лево- и правополитических партий (*"Apruebo Dignidad"* и *"Chile Vamos"* соответственно), представители которых продолжают делить между собой большинство мест в обеих палатах Национального Конгресса. Несмотря на снижение порога входа в Палату депутатов и Сенат для малых

¹⁹ *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

²⁰ *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servel.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

партий, последние не могут претендовать на серьезное представительство в законодательном органе, что приводит лишь к усилению фрагментации (Aleman, Cabezas & Calvo, 2021). В этой связи, даже с учетом запроса чилийской общественности на обновление партийного представительства в законодательной и исполнительной ветвях власти, наиболее действенным решением с точки зрения обеспечения победы на выборах кандидатов в парламент или на пост главы государства (даже от небольших партий) является вхождение в одну из традиционных широких коалиций.

Историко-культурные факторы устойчивости партийных коалиций в Чили

Партийные коалиции стали неотъемлемой частью развития партийной системы в Чили, которая к тому же является одной из наиболее давних и стабильных в истории современных демократий. Политические движения зародились в конце 1820-х гг., однако институционально оформленные партии начали появляться к середине девятнадцатого столетия. Для более глубокого понимания места партийных коалиций в современной системе государственного управления видится целесообразным провести краткий исторический экскурс по основным этапам становления и развития чилийских партий.

На протяжении всей истории Чилийской Республики основные точки размежевания, способствовавшие формированию политических партий, строились вокруг конфликта между церковью и государством (клерикальный и антиклерикальный раскол) в середине XIX в., а также подходов к решению социально-экономических проблем в первой половине XX в. (Valenzuela, 1997; Luna, 1950). После восстановления демократии в 1989 г. главным контуром идеологического противостояния между партиями стало их отношение к политическому наследию режима А. Пиночета (Polanco, 2014).

Истоки партийных образований в Чили берут свое начало в борьбе между либеральным движением *"pipiolos"*, выступавшим сторонником прогрессивной Конституции 1828 г., и консервативным политическим течением *"pelucones"* – фактическим победителем гражданской войны 1829–1830 гг., по итогам которой была принята Конституция 1833 г., установившая широкие полномочия президента (Valenzuela, 1997). Это политическое течение находилось у власти до середины 1850-х гг., а весь период характеризовался центризмом, авторитаризмом и дисциплиной.

Как было упомянуто выше, возникновение первых институционально оформленных политических партий произошло в результате конфликта между государственной властью и католическим клиром. Конкретный эпизод произошел в 1856 г. в период президентства М. Монтта (1851–1861 гг.) и был связан с реакцией на судебное решение по делу дьякона из столичного Кафедрального собора, обвинявшегося настоятелем в дисциплинарных нарушениях. После того, как церковный суд вынес решение в пользу дьякона, настоятель обратился в гражданские судебные органы, рассчитывая на их поддержку (в то время церковь подчинялась государственной власти). Однако когда

Верховный суд вынес свое решение также в пользу дьякона, архиепископ г. Сантьяго Р.В. Вальдивieso начал публично протестовать против вмешательства государственной судебной системы во внутренние дела церкви, что вызвало серьезные разногласия внутри чилийской общественности в отношении вопроса о поддержке клира и действовавшего правительства. Несмотря на то, что министру внутренних дел А. Варасу удалось уговорить суд отозвать свое решение, этот кризис привел к существенному расколу в политических течениях, положивших начало первым политическим партиям в стране²¹.

Конфликт привел к расколу в движении *"pelucones"*, в результате которого образовались две партии: *"Partido Nacional"* (Национальная партия) и *"Partido Conservador"* (Консервативная партия). В основе программных принципов Национальной партии, именованной также «Монттваристской партией», по фамилиям М. Монтта и А. Вараса, лежали идеи о сильной центральной власти и государственном патронате над церковью. В Консервативную партию вошли представители католического клира и местной аристократии, выступавшие за независимость церкви от вмешательства государственной власти. Третьей политической силой в стране стала зародившаяся из движения *"pipiolos"* *"Partido Liberal"* (Либеральная партия), которая выступала за предоставление широких гражданских прав и экономический либерализм.

В 1858 г. в Чили сформировалась первая в истории государства коалиция из Либеральной и Консервативной партий. Ее основной целью было ослабление власти президента Монтта и его сторонников. Одновременно в рядах Либеральной партии образовалась группа радикалов, в результате чего была основана Радикальная партия, представители которой стояли на жестких антиклерикальных позициях и выступали за предоставление широких политических, социальных и экономических свобод чилийским гражданам²². Впоследствии, в 1875 г., Либеральная партия сформировала коалицию с Радикальной партией, которая получила название *"Alianza Liberal"* («Либеральный альянс»). В период существования коалиции (в историческом дискурсе именуемой «Либеральной республикой») ее членам удалось провести несколько существенных реформ, в частности, установить запрет на переизбрание главы государства в 1871 г., предоставив более широкие полномочия законодательной власти, и реализовать избирательную реформу в 1874 г.²³

Конфликт вокруг независимости церкви и государства лежал в основе чилийской партийной идентичности до конца XIX в. Партийная система выглядела следующим образом: консерваторы защищали интересы церкви, радикалы выступали за максимально возможное светское общество, а либералы и активисты Национальной партии представляли политический центр.

²¹ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Partidos, movimientos y coaliciones 1833-1891. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/periodo?per=1833-1891 (accessed 10 February 2025).

²² *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Partido Radical. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Partido_Radical (accessed 10 February 2025).

²³ *Memoria Chilena. Biblioteca Nacional de Chile* (n.d.) República Liberal. Available at: <https://www.memoriachilena.gob.cl/602/w3-article-543886.html> (accessed 10 February 2025).

Как отмечает Х.С. Валенсуэла, особенности электоральной системы в то время способствовали формированию коалиций «по тактическому, а не идеологическому принципу». Из-за широких полномочий представителей государственной власти, в частности президента, подавляющее большинство избирателей составляли государственные служащие. По этой причине оппозиционные партии пытались привлечь в свои ряды выходцев из самых разных слоев общества – от простых рабочих до владельцев предприятий, что положило начало распространению в стране политических клубов (Valenzuela, 1997), в т.ч. за счет роста средств массовой информации. Укреплению межпартийных союзов также послужила электоральная реформа 1874 г., не только позволившая голосовать всем грамотным мужчинам вне зависимости от дохода, но и закрепившая необходимость представительства миноритарных партий в муниципальных законодательных органах и нижней палате Парламента в размере минимум одной трети от всех избранных лиц (Valenzuela, 1997). Поскольку выборы президента и сенаторов проходили через систему выборщиков, это нововведение в значительной степени способствовало росту поддержки антиправительственных коалиций со стороны населения (Ponce de León, 2017).

Политический конфликт 1891 г. между президентом от Либеральной партии Х.М. Бальмаседой (1886–1891 гг.) и Конгрессом, переросший в краткосрочную гражданскую войну, положил начало периоду т.н. Парламентской республики. Особенности сложившейся системы властных отношений заключались в укрепившихся позициях Конгресса и, как следствие, усилившемся влиянии партийных коалиций; в существенно урезанных полномочиях президента – он не мог распускать парламент и созывать досрочные выборы; а также в выполнении министром внутренних дел функций главы правительства (Valenzuela, 1997). Несмотря на наличие порядка двух десятков политических партий и частую сменяемость кабинета, в «Парламентской республике» вся политическая власть была сосредоточена в руках двух крупнейших партийных объединений – *Alianza Liberal*²⁴ («Либерального альянса») и *Coalición Conservadora*²⁵ («Консервативной коалиции»)²⁶.

Либеральный альянс выступал в роли прогрессивной силы, поддерживая идеалы личной свободы, борьбы против церковного влияния и развития индустриализации, торговли и горной промышленности²⁷. Консервативная коалиция, в свою очередь, объединяла партии, придерживавшиеся традиционных идеалов национальной олигархии и защищавшие интересы духовенства

²⁴ В ее состав входили: *"Partido Radical"*, *"Partido Liberal"*, *"Partido Liberal Democrático"* (Либерально-демократическая партия, состояла из либералов-сторонников президента Х.М. Бальмаседы).

²⁵ Главными политическими силами коалиции были *"Partido Conservador"* (Консервативная партия) и *"Partido Nacional"* (Национальная партия).

²⁶ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Período 1891-1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

²⁷ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Alianza Liberal. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/partidos_politicos/wiki/Alianza_Liberal (accessed 10 February 2025).

и крупных помещиков. Важно отметить, что эти коалиции в основном формировались перед президентскими выборами. Х.С. Валенсуэла выделяет четыре фактора, благодаря которым этим коалициям удавалось поддерживать устойчивое существование на протяжении почти трех десятилетий: 1) отсутствие согласия внутри Консервативной партии относительно единого кандидата в президенты; 2) недостаточные ресурсы у каждой отдельной партии для того, чтобы самостоятельно одержать победу на президентских выборах; 3) отсутствие достаточной электоральной поддержки кандидата от любой из сильнейших партий обеих коалиций (*"Partido Radical"* в «Либеральном альянсе» и *"Partido Conservador"* в «Консервативной коалиции») открывало возможность к заключению союза с противоборствующей коалицией; 4) острые противоречия внутри двух либеральных партий (*"Partido Liberal"* и *"Partido Liberal Democrático"*) относительно единой кандидатуры по причине взаимной враждебности и личных амбиций их членов (Valenzuela, 1997).

Примечательно, что именно в период «Парламентской республики» в начале 1900-х гг. начали обостряться социальные конфликты. В обществе усиливалось недовольство правящим элитарным классом, тесно связанным с чилийской олигархией²⁸. В то же время сильное развитие получили горнодобывающая промышленность, производство, строительство и транспорт. Стремительный рост производственных сфер привел к появлению профсоюзов, обществ взаимопомощи и других организаций с участием рабочего класса. В результате их деятельности, включающей в себя забастовки, «социальный вопрос» стал предметом серьезных общественных дебатов (Valenzuela, 1997). Как отмечалось ранее, это обозначило вторую точку размежевания в партийном развитии в Чили, что привело к появлению первых партий левой идеологии – *"Partido Demócrata"* (Демократической партии) и *"Partido Obrero Socialista"* (Рабочей Социалистической партии), которая стала основным институциональным представителем чилийского рабочего класса и впоследствии была переименована в *"Partido Comunista"* (Коммунистическую партию)²⁹.

Массовое распространение рабочих и коммунистических движений спровоцировало напряженность во взаимодействии социально-ориентированного президента А. Алессандри (1920–1925 гг.) и Национального Конгресса. Политический кризис начала 1920-х гг. привел к принятию в 1925 г. новой Конституции, в соответствии с которой восстанавливалась президентская республика с прямыми выборами первого лица, а церковь полностью отделялась от государства (Богущ, 2009). Немаловажным следствием стало постепенное снижение влияния Либерального союза и Консервативной коалиции в политической жизни Чили (Valenzuela, 1997).

²⁸ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Periodo 1891–1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

²⁹ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Periodo 1891–1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

Последующий период, продолжавшийся до установления диктатуры А. Пиночета в 1973 г., характеризовался возникновением множества новых политических партий самого разнообразного идеологического толка, которые различались главным образом по своим подходам к решению социально-экономических проблем. В немалой степени этой тенденции способствовали электоральные нововведения, установившие выборную систему пропорционального представительства с подсчетом голосов по методу Д'Ондта³⁰.

Ключевыми партиями и коалициями в этот период были *"El Frente Popular"* («Народный фронт», 1936–1942 гг.), *"Alianza Democrática de Chile"* («Демократический альянс Чили», 1942–1946 гг.), *"Unidad Popular"* («Народное единство», 1969–1973 гг.) и *"Partido Demócrata Cristiano"* (Христианско-демократическая партия, основана в 1957 г.), которая представляла собой объединение различных политических движений социал-демократического толка. Значимую роль играла Радикальная партия, три кандидата от которой становились президентами.

Несмотря на существенные изменения в политической жизни страны и перестройку ключевых партий, неизменными оставались принципы функционирования коалиций. Поскольку в подавляющем большинстве случаев ни одна партия не могла выдвинуть сильного кандидата (этому во многом способствовала избирательная система пропорционального представительства), заключение партийных союзов отличалось цикличностью. Не вполне стабильный характер коалиций проявлялся в борьбе отдельных партий за своих избирателей, что приводило к расколу в самих партиях.

Сложившиеся условия способствовали появлению независимых кандидатов, которые, не будучи связанными ни с одной «традиционной» партией или коалицией, привлекали на свою сторону электорат политических объединений, не сумевших выдвинуть своего кандидата (таким образом были избраны президенты К. Ибаньес дель Кампо (1952–1958) и Х. Алессандри (1958–1964)). Резюмировать этот длительный период развития чилийской демократии можно словами исследователя Х.П. Луны, который подчеркивает, что с 1920-х гг. политические партии превратились в *«сильные организационные структуры, затрагивающие все уровни социальной и культурной жизни»*. При этом борьба между партиями строилась на основе как программных принципов, так и посредством активного привлечения административных и территориальных групп давления (Luna, 2008). А. Валенсуэла метко добавляет, что к 1960-м гг. *«выборы и политика стали национальным "спортом"»* (Valenzuela, 1999). С приходом к власти хунты А. Пиночета и введением режима военной диктатуры все традиционные партии в Чили были запрещены вплоть до восстановления демократического режима в 1990 г.

³⁰ *Biblioteca del Congreso Nacional de Chile* (n.d.) Período 1891–1925. Available at: https://www.bcn.cl/historiapolitica/hitos_periodo/detalle_periodo.html?per=1891-1925 (accessed 10 February 2025).

Современная партийная система Чили сложилась в результате социально-политической борьбы общества за демократические и экономические свободы в поздний период правления военной хунты. На фоне проведения реформ консолидированные политические движения левого и центристского толка смогли добиться организации в 1988 г. референдума, по результатам которого чилийские граждане высказались против продления полномочий А. Пиночета.

Последующая либерализация социально-политической системы страны привела к созданию двух коалиций – левоцентристской *“Concertación de Partidos por la Democracia”*, превратившейся в главную демократическую силу поставторитарного периода, и правоцентристского *“La Alianza”*, сторонники которого выступали за восстановление власти военных. Именно этот раскол по линии «демократия / авторитаризм» стал определяющим на современном этапе развития чилийского государства как на уровне национальной политики, так и среди широких общественных слоев (Ruiz Rodríguez & Miranda Olivares, 2017; Torcal & Mainwaring, 2003; De la Cerda, 2022).

Устойчивость современной партийной системы Чили, зиждущуюся на двух больших коалициях, в целом можно объяснить двумя факторами: длительной историей существования партий и особенностями избирательной системы. Во-первых, как отмечалось выше, политические предпочтения чилийцев, которые они выражают в ходе выборов, остались практически неизменными с начала XX в. Существенную роль продолжают играть различные гражданские ассоциации и рабочие союзы, имеющие политическую принадлежность к той или иной партии. Кроме того, ряд исследователей отмечают устойчивые семейные традиции, формирующие индивидуальные идеологические предпочтения, а также отношение к наследию авторитарного периода. Все это находит отражение в голосах, которые получает каждая из коалиций (Angell, 2003).

Другим значимым фактором стабильности коалиционной системы является сложившаяся после возвращения к демократическому режиму биномиальная система. Следует, однако, дополнить: хотя с начала 2000-х гг. среди кандидатов в президенты наметилась тенденция отдавать предпочтение личному, а не опосредованному партийными структурами общению с избирателями (Luna, 2008), особенности электоральной системы не позволили им полностью дистанцироваться от принадлежности к партии – в таком случае сузились бы возможности избранного президента проводить свою политическую программу в Конгрессе.

Несмотря на то, что обе коалиции по-прежнему служат своего рода опорой всей партийной системе Чили, эмпирические исследования демонстрируют существенное снижение уровня поддержки партий среди населения и резкое ослабление партийной идентификации граждан. Так, по данным чилийского Центра общественных исследований (*Centro de Estudios Públicos, CES*), если в начале 1990-х гг. каждый пятый гражданин ассоциировал себя

с какой-либо политической партией³¹, то к середине 2021 г. около 80% чилийцев не связывали свои предпочтения ни с одной из существующих партийных организаций³². Схожий тренд прослеживается в отношении вовлеченности чилийцев в формальные политические процессы, проявляющиеся в динамике участия граждан на выборах: до 2013 г. процент проголосовавших избирателей на всеобщих выборах составлял около 90%, в то время как с 2013 г. этот показатель снизился практически вдвое³³.

Примечательно, что процесс постепенного снижения общественного интереса к политическим партиям происходит на фоне активного экономического роста Чили в поставторитарный период и, одновременно, глубокой поляризации чилийского социума (Singer, 2009). В то же время наблюдается существенное противоречие между критическим восприятием внутри общества подходов государственных институтов к преодолению социально-экономических кризисов, что выражается в дистанцировании политических партий от своих избирателей (De la Cerda, 2022), повышении протестного участия (Carlin, 2011) и ростом гражданской поддержки демократических институтов³⁴.

В политологическом дискурсе последних десятилетий эта нестандартная ситуация наиболее точно (в т.ч. по мнению автора настоящей статьи) объясняется преодолением противоречий между двумя коалициями по линии конфликта «демократия / авторитаризм» при активном содействии партийных и государственных элит. С точки зрения теории, описываемый феномен состоит в том, что партийные идентичности формируются в периоды острой общественной поляризации и сильных социальных потрясений, когда политические элиты *«выталкивают эти конфликты в политическое поле»* (LeBas, 2011; Levitsky, Loxton, Van Dyck & Domínguez, 2016). Таким образом, граждане эмоционально вовлекаются в обозначенный политическими элитами социальный раскол и выбирают определенную сторону в лице политических партий. Когда же конфликт угасает на политическом уровне, снижается и степень вовлеченности в него общественных групп.

Наиболее наглядно эмпирическое действие теории на примере современного Чили описывает Н. Де ла Серда, а также ряд других авторов, изучающих партийную систему этого государства. Основная идея состоит в том, что центральной характеристикой политического ландшафта страны в поставторитарный период явился раскол в обществе между сторонниками периода военной диктатуры и сторонниками демократии, который

³¹ *Centro de Estudios Públicos* (n.d.) Estudio Social y de Opinión Pública № 16, diciembre 1990. Available at: <https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-social-y-de-opinion-publica-n16-diciembre-1990/> (accessed 10 February 2025).

³² *Centro de Estudios Públicos* (n.d.) Estudio Social y de Opinión Pública № 85, agosto 2021. Available at: <https://www.cepchile.cl/encuesta/estudio-nacional-de-opinion-publica-n85-agosto-2021/> (accessed 10 February 2025).

³³ *Servicio Electoral de Chile* (n.d.) Resultados electorales Históricos. Available at: <https://www.servelec.cl/centro-de-datos/resultados-electorales-historicos-gw3/> (accessed 10 February 2025).

³⁴ *Latinobarometro* (n.d.) Análisis Online. Available at: <https://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (accessed 10 February 2025).

выразился в устойчивом противостоянии коалиций *“La Alianza”* и *“Concertación”* соответственно (De la Cerda, 2022; Tironi, Agüero & Valenzuela, 2001; Bargsted & Somma, 2016). В свою очередь, активная гражданская поддержка обеих коалиций формировалась на основе разного эмоционального отношения к периоду диктатуры на коллективном уровне (Bonilla, Carlin, Love, et al., 2011).

По мере консолидации чилийской демократии политические элиты правых сил все больше дистанцировались от поддержки периода военной диктатуры, следствием чего стало не только улучшение их результатов на выборах, но и постепенное ослабление на гражданском уровне конфликта между сторонниками демократии и сторонниками режима А. Пиночета. Усилия политического истеблишмента по достижению консенсуса в понимании демократии как наиболее органичного пути развития Чили привели к стремительному угасанию партийной вовлеченности на массовом уровне. В частности, Н. Де ла Серда относит подобную эволюцию восприятия конфликта по линии «демократия – авторитаризм» к т.н. непрограммным (*nonprogrammatic*) факторам сближения партийных позиций; речь идет прежде всего о переоценке правыми партиями периода военной диктатуры. При этом программные (*programmatic*) различия обеих коалиций остались практически неизменными (De la Cerda, 2022).

Выводы

В настоящей статье были детально рассмотрены ключевые институциональные и историко-культурные характеристики современной партийной системы Чили, которая является фундаментом демократии и воспроизводства политических элит.

Конституционный дизайн наделяет главу исполнительной власти исключительными полномочиями принимать ряд ключевых законодательных решений, что ставит Чили в число сильнейших президентских демократий. Вместе с тем президент вынужден соблюдать баланс в отношениях с многопартийным Национальным Конгрессом, который может ветировать президентские инициативы – следствие проблемы «двойного меньшинства», выражающейся в отсутствии у президента поддержки абсолютного большинства избирателей и достаточного количества мест в парламенте у партии главы государства. По этой причине для эффективной реализации своей политики президенту приходится тесно взаимодействовать со всеми партиями представляемой им коалиции, а кандидаты на пост главы государства продолжают рассматривать партии и коалиции в качестве ступени для выхода на политическую арену.

Коалиционности партийной системы Чили также продолжает способствовать электоральный дизайн, даже претерпев значительные изменения после реформы 2015 г. Результаты исследований показывают, что несмотря на создание гораздо более благоприятных и справедливых условий на выборах для малых партий, последние по-прежнему не могут конкурировать

с более крупными игроками и должны взаимодействовать с коалициями для вхождения в состав Национального Конгресса. Аналогичный вывод уместен и в отношении независимых кандидатов или представителей от небольших партий на пост президента – их победа будет в решающей степени зависеть от устойчивого позиционирования внутри одной из коалиций. Данная гипотеза в очередной раз нашла свое подтверждение в ходе выборов 2021 г. Для коалиции *"Apruebo Dignidad"* яркая кандидатура Г. Борича стала своеобразным воплощением идей «новых левых». В то же время сам Г. Борич был вынужден опираться на поддержку различных левых и леворадикальных сил, чтобы, во-первых, собрать достаточное для победы количество голосов избирателей, и, во-вторых, в дальнейшем проводить свою политику в парламенте. Важно, однако, отметить, что уже после выборов в правительство Г. Борича вошли также представители левоцентристов, что явилось наглядным свидетельством необходимости проявлять гибкость в условиях чрезмерной поляризации общественных настроений.

В долгосрочной перспективе устойчивость широких партийных коалиций будет обусловлена глубоко укоренившимися в чилийском обществе традициями политического участия широких масс, а также надежными демократическими институтами, которые являются эффективными инструментами выражения запросов населения в формальном политическом поле. Становление прочных партийных коалиций левых и правых партий в поставторитарный период стало результатом политической борьбы между сторонниками демократического строя и военного режима пиночетовской эпохи.

Тем не менее по мере укрепления демократических институтов и устойчивого экономического роста в стране поддержка партий со стороны большинства населения существенно снизилась. Эта тенденция в значительной степени связана с разрешением идеологических разногласий между лидерами левых и правых сил и принятием демократии как наиболее подходящей формы социально-политического устройства Чили. Одновременно в этот период наблюдался рост протестной активности населения, которое ставило под сомнение эффективность действий истеблишмента, в т.ч. партийных элит, в области урегулирования насущных экономических проблем, социального неравенства и ряда коррупционных скандалов.

Несмотря на значительное снижение гражданского доверия к политическим партиям в Чили, этот институт по-прежнему является устойчивым механизмом воспроизводства политических элит, что нашло свое подтверждение в ходе президентских и парламентских выборов 2021 г., которые в очередной раз обернулись противостоянием кандидатов от двух широких коалиций. Можно предположить, что данная тенденция сохранится и в дальнейшем, принимая во внимание не только прочные культурные и исторические традиции партийной системы страны, но и сложившийся институциональный дизайн Чили на современном этапе. Однако, вне всякого сомнения, для укрепления устойчивости демократической системы политическим партиям предстоит уделять более пристальное внимание механизмам активного привлечения

своих избирателей к участию в выборах и политических институтах через повышение уровня их доверия. Наиболее очевидный способ достижения этой задачи видится в имплементации эффективных решений социально-экономических проблем.

Список литературы^А

1. Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. (2009) *Политическая история Чили XX века*. М: Высшая школа.
2. Дьякова Л.В. (2022) Президентские выборы 2021 г. и начало нового политического цикла в Чили. *Латиноамериканский исторический альманах* (33): 100–121. DOI: 10.32608/2305-8773-2022-33-1-100-121.
3. Дьякова Л.В. (2023) «Новые левые» в Чили перед лицом экзистенциальных проблем. *Латинская Америка* (4): 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0024991-9.
4. Ивановский З.В. (2021) Левые режимы в современной Латинской Америке: теоретические концепции и политическая практика. *Латиноамериканский исторический альманах* (31): 126–160. DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-126-160.
5. Alemán E., Cabezas J.M. & Calvo E. (2021) Coalition Incentives and Party Bias in Chile. *Electoral Studies* 72: 102362. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102362.
6. Angell A. (2003) Party Change in Chile in Comparative Perspective. *Revista de Ciencia Política* 23(2): 88–108. DOI: 10.4067/S0718-090X2003000200005.
7. Aninat C., Landregan J., Navia P. & Vial J. (2006) *Political Institutions, Policymaking Processes and Policy Outcomes in Chile*. Research Network Working Paper R-521, 1 February. Washington, DC: Inter-American Development Bank. DOI: 10.18235/0011298.
8. Bargsted M.A. & Somma N.M. (2016) Social cleavages and political dealignment in contemporary Chile, 1995–2009. *Party Politics* 22(1): 105–124. DOI: 10.1177/1354068813514865.
9. Blatter J. & Schulz J. (2022). Intergovernmentalism and the crisis of representative democracy: The case for creating a system of horizontally expanded and overlapping national democracies. *European Journal of International Relations* 28(3): 722–747. DOI: 10.1177/13540661221106909.
10. Bonilla C.A., Carlin R.E., Love G.J., et al. (2011) Social or political cleavages? A spatial analysis of the party system in post-authoritarian Chile. *Public Choice* 146(1–2): 9–21. DOI: 10.1007/s11127-009-9580-2.
11. Carey J.M. (2006) Las virtudes del sistema binominal. *Revista de ciencia política* 26(1): 226–235. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100016.
12. Carlin R.E. (2011) Distrusting democrats and political participation in new democracies: Lessons from Chile. *Political Research Quarterly* 64(3): 668–687. DOI: 10.1177/1065912910370692.
13. De Gregorio J. (2005) Crecimiento económico en Chile: Evidencia, fuentes y perspectivas. *Estudios Públicos* (98): 19–82. DOI: 10.38178/cep.vi98.637.
14. De la Cerda N. (2022) Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America* 14(1): 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378.
15. Gamboa R. & Morales M. (2016) Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game. *Latin American Politics and Society* 58(4): 126–144. DOI: 10.1111/laps.12005.
16. LeBas A. (2011) *From Protest to Parties: Party-Building and Democratization in Africa*. Oxford; New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199546862.001.0001.
17. Levitsky S., Loxton J., Van Dyck B. & Domínguez J.I. (2016) *Challenges of Party-Building in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781316550564.
18. Luna J.P. & Altman D. (2011) Uprooted but stable: Chilean parties and the concept of party system institutionalization. *Latin American Politics and Society* 53(2): 1–28. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2011.00115.x.

19. Luna J.P. (2008) Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. In: Fontaine A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. (eds.) *Reforma de los Partidos Políticos en Chile*. Santiago: PNUD, CEP y CIEPLAN, pp. 75–124.
20. Luna J.P. (2024) Disjointed Polarization in Chile's Enduring Crisis of Representation. *Latin American Politics and Society* 66(2): 72–101. DOI: 10.1017/lap.2024.19.
21. Mainwaring S. & Shugart M. (1997) Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate. In: Mainwaring S., Shugart M. (eds.) *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 12–54.
22. Martínez C.A. & Dockendorff A. (2023) Hyper-Presidentialism under Question: Evidence from Chile. In: Llanos M., Marsteintredet L. (eds.) *Latin America in Times of Turbulence: Presidentialism under Stress*. 1st ed. New York: Routledge, pp. 54–74. DOI: 10.4324/9781003324249-4.
23. Mudde C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition* 39(4): 542–563. DOI: 0.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
24. Nohlen D. (2006) La reforma del sistema binominal desde una perspectiva comparativa. *Revista de Ciencia Política* 26(1): 191–202. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100012.
25. Polanco M.M. (2014) Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia. *CONfinés de Relaciones Internacionales y Ciencia Política* 10(20): 59–90.
26. Ponce de León M. (2017) Estado y Elecciones. La construcción electoral del poder en Chile, siglos XIX y XX. In: Jaksic I., Rengifo F. (eds.) *Historia política de Chile, 1810–2010, Tomo II: Estado y sociedad*. Santiago: Fondo de Cultura Económica.
27. Ruiz Rodríguez L.M. & Miranda Olivares N. (2017) La evolución programática de las coaliciones en Chile. *Revista Latinoamericana de Política Comparada* (13): 57–78.
28. Siavelis P.M. (2001) *Chile: las relaciones entre el poder ejecutivo y el poder legislativo después de Pinochet*. Buenos Aires: Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. Available at: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/clacso/gt/20101028020432/8siavelis.pdf> (accessed 10 February 2025).
29. Siavelis P.M. (2016) Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection. *Journal of Politics in Latin America* 8(3): 61–93. DOI: 10.1177/1866802X1600800303.
30. Singer M. (2016) Elite Polarization and the Electoral Impact of Left-Right Placements: Evidence from Latin America, 1995–2009. *Latin American Research Review* 51(2): 174–194. DOI: 10.1353/lar.2016.0022.
31. Somma N.M. (2022) Chilean Democracy, Past and Present. *Latin American Research Review* 57(2): 490–503. DOI: 10.1017/lar.2022.33.
32. Tironi E., Agüero F. & Valenzuela E. (2001) Clivajes políticos en Chile: Perfil sociológico de los electores de Lagos y Lavín. *Revista Perspectivas* 5(1): 73–87.
33. Torcal M. & Mainwaring S. (2003) The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973–95. *British Journal of Political Science* 33(1): 55–84. DOI: 10.1017/S0007123403000036.
34. Valenzuela A. (1999) Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy. In: Diamond L., Hartlyn J., Linz J.J. (eds.) *Democracy in Developing Countries: Latin America*. 2nd ed. London: Lynne Rienner, pp. 191–248. DOI: 10.1515/9781685851941-006.
35. Valenzuela J.S. (1997) The Origins and Transformations of the Chilean Party System. In: Devoto F., Di Tella T. (eds.) *Political Culture, Social Movements and Democratic Transitions in South America in the XXth Century*. Milan: Feltrinelli, pp. 47–100.

SHIFTING STABILITY: CHILEAN GENERAL ELECTIONS AS AN INSTITUTIONAL REFLECTION OF DEMOCRATIC TRADITIONS

Arseny Yu. VARSHAVSKY – Postgraduate Student, Comparative Politics Department, MGIMO University.

ORCID: 0009-0009-6672-2448. E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received April 20, 2024

Accepted February 10, 2025

Abstract: The article provides a detailed analysis of Chile's party system, which, at its current stage of political development, has fostered the emergence of two broad party coalitions. These coalitions, the left-oriented *Apruebo Dignidad* and the center-right *Chile Vamos*, serve as a stable foundation for maintaining democratic institutions and reproducing the country's top political elite. The article highlights key institutional, historical, and cultural factors that have shaped the modern political design of the Chilean Republic in its post-authoritarian period, ensuring the traditionally established viability of political parties. The study examines the formal-legal characteristics of Chile's presidential system and electoral process. Within the political power structure, the president plays a central role, possessing broad authority in making key decisions. However, constitutional constraints require the head of the executive branch to engage with parliamentary coalitions to overcome the "double minority" problem, where the president lacks majority support in the National Congress. Party coalition-building is also influenced by the electoral system, under which, even after the 2015 reform, smaller parties continue to face difficulties in independently securing parliamentary seats and are forced to collaborate with larger coalitions. This dynamic is also reflected in presidential elections. A case in point is the victory of Gabriel Boric in 2021: despite his progressive image, he relied on the support of various leftist and center-left forces. The long-term stability of Chile's party system can be attributed, among other factors, to deeply ingrained traditions of political participation and democratic institutions, which enable the integration of public demands into the political process. However, declining public support for parties and growing protest activity indicate existing challenges. The article concludes that despite the crisis of trust in party structures, the coalition system continues to ensure political stability. To strengthen it, parties must focus on addressing current socio-economic issues, which will be a key factor in restoring public trust and reinforcing Chile's democratic institutions.

Keywords: presidentialism, political parties, party systems, party coalitions, party fragmentation, Chile

References:

1. Alemán E., Cabezas J.M. & Calvo E. (2021) Coalition Incentives and Party Bias in Chile. *Electoral Studies* 72: 102362. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102362.
2. Angell A. (2003) Party Change in Chile in Comparative Perspective. *Revista de Ciencia Política* 23(2): 88–108. DOI: 10.4067/S0718-090X2003000200005.

3. Aninat C., Landregan J., Navia P. & Vial J. (2006) *Political Institutions, Policymaking Processes and Policy Outcomes in Chile*. Research Network Working Paper R-521, 1 February. Washington, DC: Inter-American Development Bank. DOI: 10.18235/0011298.
4. Bargsted M.A. & Somma N.M. (2016) Social cleavages and political dealignment in contemporary Chile, 1995–2009. *Party Politics* 22(1): 105–124. DOI: 10.1177/1354068813514865.
5. Blatter J. & Schulz J. (2022). Intergovernmentalism and the crisis of representative democracy: The case for creating a system of horizontally expanded and overlapping national democracies. *European Journal of International Relations* 28(3): 722–747. DOI: 10.1177/13540661221106909.
6. Bogush E.Y. & Shelchkov A.A. (2009) *Politicheskaya istoriya Chili XX veka [Political history of Chile of the XX Century]*. Moscow: Visshaya shkola, 224 p. (In Russian).
7. Bonilla C.A., Carlin R.E., Love G.J., et al. (2011) Social or political cleavages? A spatial analysis of the party system in post-authoritarian Chile. *Public Choice* 146(1–2): 9–21. DOI: 10.1007/s11127-009-9580-2.
8. Carey J.M. (2006) Las virtudes del sistema binominal. *Revista de ciencia política* 26(1): 226–235. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100016.
9. Carlin R.E. (2011) Distrusting democrats and political participation in new democracies: Lessons from Chile. *Political Research Quarterly* 64(3): 668–687. DOI: 10.1177/1065912910370692.
10. De Gregorio J. (2005) Crecimiento económico en Chile: Evidencia, fuentes y perspectivas. *Estudios Públicos* (98): 19–82. DOI: 10.38178/cep.vi98.637.
11. De la Cerda N. (2022) Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America* 14(1): 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378.
12. Diakova L.V. (2022) Presidentskiye vibory 2021 g. i nachalo novogo politicheskogo tsykla v Chili [The Presidential Elections of 2021 and the Beginning of a New Political Cycle in Chile]. *Latinoamerikansky istorichesky almanakh [Latin American Historical Almanac]* (33): 100–121. DOI: 10.32608/2305-8773-2022-33-1-100-121. (In Russian).
13. Diakova L.V. (2023) "Noviye leviye" v Chili pered litsom ekzistentsialnikh problem [The "New Left" in Chile in the face of existential challenges]. *Latinskaya Amerika [Latin America]* (4): 6–21. DOI: 10.31857/S0044748X0024991-9. (In Russian).
14. Gamboa R. & Morales M. (2016) Chile's 2015 Electoral Reform: Changing the Rules of the Game. *Latin American Politics and Society* 58(4): 126–144. DOI: 10.1111/laps.12005.
15. Iwanowski Z.W. (2021) Levyye rezhimy v sovremennoy Latinskoy Amerike: teoreticheskiye konsteptsii i politicheskaya praktika [Left-wing Regimes in Contemporary Latin America: Theoretical Concepts and Political Practice]. *Latinoamerikansky istorichesky almanakh [Latin American Historical Almanac]* (31): 126–160. DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-126-160. (In Russian).
16. LeBas A. (2011) *From Protest to Parties: Party-Building and Democratization in Africa*. Oxford; New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199546862.001.0001.
17. Levitsky S., Loxton J., Van Dyck B. & Domínguez J.I. (2016) *Challenges of Party-Building in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781316550564.
18. Luna J.P. & Altman D. (2011) Uprooted but stable: Chilean parties and the concept of party system institutionalization. *Latin American Politics and Society* 53(2): 1–28. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2011.00115.x.
19. Luna J.P. (2008) Partidos políticos y sociedad en Chile: Trayectoria histórica y mutaciones recientes. In: Fontaine A., Larroulet C., Navarrete J., Walker I. (eds.) *Reforma de los Partidos Políticos en Chile*. Santiago: PNUD, CEP y CIEPLAN, pp. 75–124.
20. Luna J.P. (2024) Disjointed Polarization in Chile's Enduring Crisis of Representation. *Latin American Politics and Society* 66(2): 72–101. DOI: 10.1017/lap.2024.19.
21. Mainwaring S. & Shugart M. (1997) Presidentialism and Democracy in Latin America: Rethinking the Terms of the Debate. In: Mainwaring S., Shugart M. (eds.) *Presidentialism and Democracy in Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 12–54.

22. Martínez C.A. & Dockendorff A. (2023) Hyper-Presidentialism under Question: Evidence from Chile. In: Llanos M., Marsteintredet L. (eds.) *Latin America in Times of Turbulence: Presidentialism under Stress*. 1st ed. New York: Routledge, pp. 54–74. DOI: 10.4324/9781003324249-4.
23. Mudde C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition* 39(4): 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
24. Nohlen D. (2006) La reforma del sistema binominal desde una perspectiva comparativa. *Revista de Ciencia Política* 26(1): 191–202. DOI: 10.4067/S0718-090X2006000100012.
25. Polanco M.M. (2014) Propensión coalicional en Chile: un análisis de los casos del Frente Popular, la Unidad Popular y la Concertación de partidos por la democracia. *CONfinés de Relaciones Internacionales y Ciencia Política* 10(20): 59–90.
26. Ponce de León M. (2017) Estado y Elecciones. La construcción electoral del poder en Chile, siglos XIX y XX. In: Jaksic I., Rengifo F. (eds.) *Historia política de Chile, 1810-2010, Tomo II: Estado y sociedad*. Santiago: Fondo de Cultura Económica.
27. Ruiz Rodríguez L.M. & Miranda Olivares N. (2017) La evolución programática de las coaliciones en Chile. *Revista Latinoamericana de Política Comparada* (13): 57–78.
28. Siavelis P.M. (2001) *Chile: las relaciones entre el poder ejecutivo y el poder legislativo después de Pinochet*. Buenos Aires: Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales. Available at: <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/clacso/gt/20101028020432/8siavelis.pdf> (accessed 10 February 2025).
29. Siavelis P.M. (2016) Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection. *Journal of Politics in Latin America* 8(3): 61–93. DOI: 10.1177/1866802X1600800303.
30. Singer M. (2016) Elite Polarization and the Electoral Impact of Left-Right Placements: Evidence from Latin America, 1995–2009. *Latin American Research Review* 51(2): 174–194. DOI: 10.1353/lar.2016.0022.
31. Somma N.M. (2022) Chilean Democracy, Past and Present. *Latin American Research Review* 57(2): 490–503. DOI: 10.1017/lar.2022.33.
32. Tironi E., Agüero F. & Valenzuela E. (2001) Clivajes políticos en Chile: Perfil sociológico de los electores de Lagos y Lavín. *Revista Perspectivas* 5(1): 73–87.
33. Torcal M. & Mainwaring S. (2003) The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973–95. *British Journal of Political Science* 33(1): 55–84. DOI: 10.1017/S0007123403000036.
34. Valenzuela A. (1999) Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy. In: Diamond L., Hartlyn J., Linz J.J. (eds.) *Democracy in Developing Countries: Latin America*. 2nd ed. London: Lynne Rienner, pp. 191–248. DOI: 10.1515/9781685851941-006.
35. Valenzuela J.S. (1997) The Origins and Transformations of the Chilean Party System. In: Devoto F., Di Tella T. (eds.) *Political Culture, Social Movements and Democratic Transitions in South America in the XXth Century*. Milan: Feltrinelli, pp. 47–100.